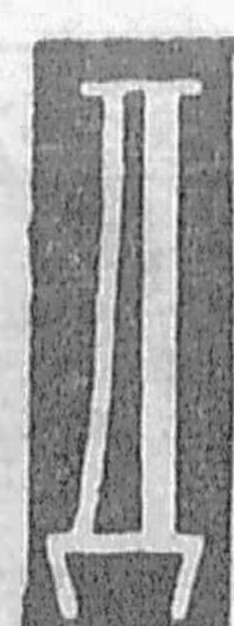

не клеить — конверт

АЖЕ сейчас, когда вы въезжаете на тихую улочку Стрэтфорда-на-Эвоне, и вас окружают игрушечные домики с треугольниками чердаков, перепоясанные по фасадам деревянными балками, похожими на медовые рамы,

вынутые из ульев, — даже сейчас кажется, что вы в городе, а деревней. А уж четыреста лет назад этот старинный городок несомненно смыкался с деревней, к самым стенам его подходили крестьянские поля, фермерские усадьбы, торговля в нем шла крестьянскими товарами, а злободневнейшими интересами в нем были интересы тогдашнего сельского хозяйства. А интересы эти были очень острые, — быть может, острейшие в истории старой Англии. Если вы сейчас поедите по английским дорогам, вас уж наверное удивят бесконечные цепочки плетней, огораживающих дорогу справа и слева, — от лесов и полей, лугов и роц. Захотите, как это привыкли мы делать у нас, размять ноги, выйти из машины и прогуляться в леску, а вот и нельзя, — всюду, куда ни глянь, — огорожено, всюду плетень, хэдж по-английски, — и сивозь частокол этих «хэджей» нигде не пролезешь, а если и пролезешь — натыкаешься на самый сердитый закон, огораживающий «божью природу» и «общие поля» от человека, — закон против вторжения (треспес) на чужую территорию. С «огораживаниями» общинных земель, насильственно отнимаемых английскими знатно, владелцами крупных поместий, — от крестьян, чтоб, — с ростом мануфактуры, суконного производства, — пасти на этих отнятых у крестьянства землях свои тысячные овечьи стада, — началась, в сущности, история современной Англии, «царицы морей», и недаром некоторые английские историки так и начинают свои книги с «хэджей», с обезземеливания крестьян. За 15 лет до рождения Вильяма Шекспира произошло в Норфолке знаменитое крестьянское восстание Роберта Кэта, шедшее под лозунгом: «Мы снесем изгороди и заборы, засыплем канавы, вернем общинные земли и сровняем с землей все без исключения загородки, возведенные с позорной низостью и бесчестием». Даже короли целым рядом указов с конца XV по конец XVI века боролись с этим произвольным захватом крестьянских земель, правда, безуспешно. И борясь против обезземеливания крестьян, они делали исключения для роц и лесов, превращаемых лордами в свои охотничьи заповедники, — развязывая этим знатым насильникам руки в их борьбе с браконьерами, стрелявшими дичь или удившими рыбу в их, незаконно захваченных, угодьях. Обращаясь к жизни Вильяма Шекспира, мы прежде всего наталкиваемся на первую легенду, созданную историками на его родине: легенду «золотого века». Крупнейший современный английский стилист, историк-кэмбриджец Г. М. Тревелиан так и пишет в своей знаменитой «Английской социальной истории»: «Шекспиру удалось жить в лучшее время для страны... Лес, поле и город были в состоянии совершенства, и все три были нужны, чтоб сделать совершенным поэту». Насколько «совершенен» был лес — мы знаем хотя бы из биографии Шекспира, когда он вынужден был, спасаясь от преследований сэра Томаса Льюси, бежать из родного Стрэтфорда в Лондон, — только из-за того, что охотился (браконьерствовал) в землях этого сэра: факт, хотя и с оговорками, но постоянно упоминаемый в английских биографиях великого поэта. А насколько «совершенны» были поля и дороги, — приведем страничку из учебников истории: «...в результате «огораживаний» и захватов общинных полей и угодий... толпы нищих и бродяг заполняли дороги и села Англии. Многие из них принуждены были добывать себе средства к существованию преступлением... В положении бродяги весьма легко мог оказаться согнанный с земли мелкий крестьянин или потерявший заработок рабочий, которому для поиска места давался лишь месячный срок. По истечении этого срока безработный уже считался бродягой, который, согласно закону, изданному при Эдуарде VI,

ШЕКСПИР ГЛАЗАМИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Мариэтта ШАГИНЯН *Записки*

мог быть отдан в рабство тому, кто донесет на него, как на праздношатающегося». Преследования, которым подвергались невольные английские бродяги, Маркс назвал «кровавым законодательством против экспроприированных». И эти бродяги, объявленные «вне закона» («out-laws»), становившиеся такими обычными на английских дорогах разбойниками, — нам тоже хорошо известны если не из биографии, то из произведений Шекспира. Великий поэт не обошел этого трагического явления своего «золотого века». В ранней пьесе «Два джентльмена из Вероны» (1591) он приводит таких разбойников, называя их «оутлос» (внезаконники) и прося за них, устами своего героя, о пощаде у герцога: «Эти изгнанные из общества люди обладают многими ценными качествами... прости им... верни их из их изгнания... они... исправились, они полны добра и годны для большой работы (great employment)...»¹

Все эти беглые справки, быть может, — скучные для читателя, необходимы, чтоб разрушить стандарт, укрепившийся в биографиях Шекспира. Не сыном мнимого «золотого века», а сыном бурного, исполненного огромных контрастов, беспокойного времени, когда начинали складываться и мощь, и бессилие, и богатство, и нищета Англии, — был Вильям Шекспир. И лишь такое бурное время, а не мертвое царство мнимого всеобщего благоденствия — могло напитать могучее творчество величайшего поэта той изумительной жизненной силой, какой дышат его творенья, не только не постаревшие за четыреста лет, но ставшие еще более нужными, еще более близкими нашему времени.

В ОДНОМ из «игрушечных» домиков Стрэтфорда 23 апреля 1564 года родился первый сынишка после двух старших сестер, названный Вильямом. Отец мальчика торговал разного рода продукцией крестьянского труда, — овечьей шерстью, зерном, кожей; мать была из зажиточной фермерской семьи, чьи поля прилегали к самому Стрэтфорду. И хотя маленький Вильям получил хорошее среднее образование в городской «грамматической» школе, где преподавали греческий и латынь, и рос в городе, — но он с детства был окружен деревней и деревенской природой. Исследователи его творчества не раз удивлялись отличным знаниям Шекспира не только всех видов крестьянского труда, но и удивительно точным описаниям растений и знаков применительно к каждому времени года, россыпи метких народных словечек, пословиц и поговорок, упоминаниям разных народных суеверий, — например, характерных английских «кружков из трав», завиваемых по ночам эльфами, — эти странные танцующие кружочки в травах попадают в Англии и до сих пор, — и нет-нет, да мелькнут в современных романах... Но удивляться следовало бы не тому, что драматургия Шекспира проникнута поэзией родной земли и труда на ней, а, наоборот, если б все это отсутствовало у него. Странно забыть, что величайший поэт мира, четвереста лет насыщающий своими произведениями театральные сцены всего человечества, проводивший большую часть своей сознательной жизни в близости ко двору Елизаветы Английской, друживший с первыми вельможами Англии и получивший (правда, стараниями своего отца) даже

дворянский герб, — был и остался до самой смерти крестьянским сыном. Даже брак его носит типично крестьянский характер — он женился на девушке старше его на целых восемь лет, из зажиточной семьи, — видимо, по соображениям больше практическим, нежели по склонности.

Весь мир охватило его творческое воображение, и география его драм огромна. Италия, Дания, Греция, Богемия, новооткрытые океанические острова — множество «мест действия», где разыгрываются бурные человеческие страсти. Польша, Венгрия, Вена, далекая Россия («русский император», как отец Гермियोны из «Зимней сказки»), Гвиана, Ост- и Вест-Индия в шуточных репликах Фальстафа из «Виндзорских кумушек», — и вовсе не важно, что у него Милан — морской порт и даже Чехия (Богемия) оказывается на морском берегу, — а важен глаголющий английский характер всех этих его заморских пейзажей: мягкий, холмистый очерк земли, яркая зелень лугов, кудрявые лиственные кущи, выюющийся по земле вереск, туманное очарование торфяных болот и блуждающие по ночам светлячки над ними... Он переносит своих разбойников, «оутлос», на границу Мантуи, но лес, где они подвизаются, — типичный английский лес. И в той же Чехии (Богемии) разворачивается типично-английский, жгуче-современный для времени Шекспира, праздник, — праздник овечьей стрижки, идет сбор главного английского богатства, овечьей шерсти, и мы вдруг наталкиваемся на чешской земле на пресловутые «хэджи», а героиня поэтичнейшей пьесы Шекспира, «Зимней сказки», перечисляет цветы, свойственные каждому сезону года, и горячо возражает против искусства прививки, не желая видеть в своем саду ничего, что не рождалось бы естественно самою природой. И переодетый царь, как заправский садовник, поучает ее:

Искусство — то ж дитя природы.
Красит
Она его. Мы ветку прививаем
На грубую кору, мой друг,
и дикий
Ствол зачинает от природы
высшей,
Сам лучше делаясь. Итак,
искусство
Природу улучшает, иль, верней,
Немного изменяет, оставаясь
По-прежнему все тою же
природой².

Эти замечательные слова могли бы стать эпиграфом к бытию самого Шекспира. Десяткам поколений простых тружеников, работавших на земле, обязан Шекспир и своим огромным запасом творческой силы, и своим ясным гением, своим народным здравым смыслом и юмором, мощью чисто народного, чисто английского практицизма, который отмечают в нем все его биографы. Таланту своей быстрой апперцепции, умению схватить и осмыслить многочисленные и разнообразные интересы своего времени, несомненной начитанности, общению с творческими деятелями эпохи, — этой прививке высшей природы, остающейся по-прежнему все той же природой, обязан Шекспир колоссальным разворотом характеров и положений, глубиной духовной жизни своих драм и героев, и гигантскими образами человеческих страстей и характеров. Если сюжетные положения он мог почерпнуть из английских и итальянских хроник, прочитанных и изученных, или богато черпать их из трудов своих предшественников и современников, то высота и мощь его творений, словно Гималаи, возносящих свои вершины над плывущими,

¹ Я привожу цитаты из Шекспира большей частью в своем прозаическом переводе из превосходного издания Эрнста Риса «Everyman's Library» 1913 года. Другие издания всякий раз оговариваю. — М. Ш.

² Шекспир под редакцией С. А. Венгерова. Издание Брокгауза — Ефрона, СПб., 1903, Том IV, стр. 409.

(Окончание на 4-й стр.)